

Язык и образование в постсоветской Центральной Азии

Моника Перотто

Ключевые слова: вытеснение языка, геополитическая ситуация, диаспора, миграционные потоки, образование, русский вопрос, русский язык, титульные языки, этнократическая политика, языковая политика, *lingua franca*

В 2007 году, провозглашённом в России «Годом Русского языка в мире»¹, в Москве состоялась очередная международная встреча под названием «Конференция по статусу русского языка за рубежом». Она проходила 29—30 мая, её главными темами были функции русского языка в мире и его юридический статус в странах СНГ, на ней присутствовали представители власти и русских общин ближнего и дальнего зарубежья. Выступая на конференции в качестве председателя правительственной Комиссии по делам соотечественников за рубежом, министр иностранных дел С.В. Лавров прокомментировал содержание третьего издания доклада МИДа «Русский язык в мире: современное состояние и тенденции распространения»². Приведённые в докладе данные, относящиеся к 2004 году, показывают безрадостную картину состояния русского языка и на территории Российской Федерации, где регистрируется падение уровня компетентности в нём, и за её пределами. Русский язык — государственный для 142 млн граждан РФ, из которых около 115 млн — этнические русские, и родной для более чем 30 млн русских, живущих за границей. Казалось бы, на фоне этих цифр абсурдно говорить о нём, как о миноритарном языке, однако в ближнем зарубежье это уже стало реальностью: в советское время в СССР 286 млн человек разных национальностей говорили на русском как на

Моника Перотто, старший научный сотрудник, доцент кафедры Болонского университета, Болонья (Италия).

родном или втором языке, сегодня же в республиках СНГ из 140 млн жителей (равно по численности населению России) только 63,6 млн пользуются им как активным языком, тогда как около 38 млн вообще на нём не говорят. И если в 1989—1991 годах в СССР за пределами России насчитывалось около 20 тыс. русских школ, то к 2003/04 учебному году их количество сократилось почти на $\frac{2}{3}$ — до 7536³.

Русский язык в Центральной Азии: демография — языковая политика — изменения в положении

Особенно быстро русский язык теряет свои позиции там, где численность этнических русских сравнительно невелика и/или где последовательно реализуется чётко выраженная государственная языковая политика по подъёму национальной культуры и укреплению позиций титульного языка. На сегодняшний день русский язык обладает статусом государственного лишь в одной республике за пределами РФ, в Беларуси, в остальных он признан языком межнационального общения или даже иностранным (в закавказских и прибалтийских республиках)⁴. В Центральной Азии (далее ЦА) он приобрёл юридический статус официального языка в Кыргызстане. Правда, далеко не сразу. Случилось это только после того, как эмиграция из страны высококвалифицированных работников-русских, особенно бурная в первой половине 1990-х годов, в соединении с глубоким кризисом стала угрожать экономическим коллапсом. Республиканским властям пришлось переориентировать государственную политику в сторону удержания, привлечения и приёма русских, пробуждения заново у населения интереса к русскому языку и русской культуре. В декабре 2001 года были внесены изменения в Конституцию Кыргызской Республики и русский язык получил статус официального⁵. В Казахстане статус русского языка как официального не закреплён, как это сделано в Кыргызстане, в основном законе страны; тем не менее «в государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским официально употребляется русский язык»⁶. В других государствах региона статус русского ниже — в них он считается языком межнационального общения.

Если взглянуть на ситуацию с демографической точки зрения, то получается следующая картина (табл. 1). В Казахстане доля этнических русских близка к 25 %, в Кыргызстане — к 10, и около 4 % она составляет в Узбекистане. Самые малочисленные группы русских в ЦА — в Туркменистане (2 %) и в Таджикистане (0,7 %)⁷.

В 1989—2004 годах происходило прогрессивное уменьшение доли русского населения во всех странах ЦА.

Таблица 1

Доля русских в населении государств Центральной Азии, 1989—2004 годы (%)

Год	Казахстан	Кыргызстан	Таджикистан	Туркменистан	Узбекистан
1989	40,0	21,5	7,8	9,5	8,4
2003	27,0	12,7	0,9	7,0*	4,1
2004	25,8	9,0	0,7	2,0	4,0

* В 1995 году.

Источник: Русский мир в Центральной Азии. Сб. статей и материалов под ред. А.А. Князева. Вып. 1. Бишкек, 2007.

Данное демографическое падение, более значительное в одних республиках и менее — в других, обусловлено в первую очередь культурными переменами постсоветского периода, в особенности переменами 1990-х годов, которые были периодом националистических движений и политической нестабильности. В те же годы в республиках ЦА действовал и другой вытесняющий фактор: значительно понизился уровень жизни, упали доходы населения, увеличилась безработица. Экономический рост начался только в текущем десятилетии и в смысле уменьшения бедности был по-настоящему ощутимым, по-видимому, только в Казахстане.

В советскую эпоху для нерусских народов «русская идентичность оказалась самой инструментальной», почему «процесс обрусения имел место и здесь»⁸. А русские в ЦА следовали модели современной, западной жизни с её установками на светские ценности, высокий образовательный стандарт, профессиональную квалификацию. Процесс урбанизации, в который сегодня вовлечены титульные национальности, традиционно концентрировавшиеся в сельской местности, в первую очередь вызван глубоким кризисом сельского хозяйства, вытесняющим в города избыточное население; но в то же время он показывает, насколько ещё сильно в ЦА влияние на жизненные стратегии советской модели. Вместе с тем представляется справедливым мнение Е. Абдуллаева: в регионе наступили «сумерки европеизма»⁹. ЦА возвращается к своим культурным корням, в большей или меньшей степени комбинируя национализм с «демодемонизацией» и «реисламиза-

цией»¹⁰. Господствующая здесь атмосфера авторитаризма и консерватизма — главная причина культурного дискомфорта, испытываемого русскими. Политическая дискриминация тоже присутствует, хотя она не легализована, скрытая, латентная¹¹.

Под совокупным воздействием государственной языковой политики, продолжительного упадка в экономике, оттока значительной части русских и русскоязычных, почвеннических тенденций в общественной и культурной жизни в ЦА произошло сокращение численности не только этнических русских, но и владеющих русским языком нерусских жителей региона (табл. 2). Одновременно с этим количественным сдвигом имел место и качественный; его можно определить как ослабление функций русского языка. Значимость русского упала сразу в *политическом* и *идеологическом* отношении, в *социально-демографическом* плане и, конечно же, в плане его позитивного влияния на *культурно-лингвистические* процессы.

Таблица 2

**Примерная численность населения в государствах
Центральной Азии с разной степенью владения русским языком,
2004 год (тыс. человек)**

Страна	Всё население	Степень владения русским языком:									
		Этнические русские		считают родным		владеют активно		владеют пассивно		совсем не владеют	
		Число	%	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%
Казахстан	15 100	3 900	25,8	4 200	27,8	10 000	66,2	2 300	15,2	2 800	18,5
Кыргызстан	5 000	450	9,0	600	12,0	1 500	30,0	2 000	40,0	1 500	30,0
Таджикистан	6 300	50	0,7	90	1,4	1000	15,9	2 000	31,7	3 300	52,4
Туркменистан	4 800	100	2,0	150	3,1	100	2,0	900	18,8	3 800	79,2
Узбекистан	25 000	1 000	4,0	1 200	4,8	5 000	20,0	10 000	40,0	10 000	40,0

Источник: Русский язык в мире: современное состояние и тенденции распространения / Центр социального прогнозирования. Вып. 3. М., 2005. С. 24.

Республиканские законы о языках 1989—1990 годов уже подорвали идеологическую монополию и политическую гегемонию русского языка как языка единственной партии; распад СССР и роспуск КПСС окончательно лишили его этих важных прежних преимуществ, возвышавших его над титульными языками. Но нет худа без добра: после того как русский язык остался без идеологической и политической

«подпорок», отчётливее стали видны его многообразные прагматические функции на уровне бытовой жизни. И ещё яснее стало, что в качестве *lingua franca* он связывает все части полиэтнического Центрально-Азиатского региона, что он может служить для его жителей эффективным средством общения на международной арене и благодаря историческому престижу своей культуры и наличию в его словарном составе многих профессиональных лексик — универсальным языком высшего образования, науки и рафинированных форм культуры.

С социально-демографической точки зрения уменьшение «веса» русского языка обусловлено не только оттоком из ЦА значительной части русских, но и этносоциальными характеристиками оставшейся части. З.И. Левин пишет¹²:

«Для нынешней русской диаспоры в странах СНГ и Балтии характерны предельная разобщённость, неспособность к сплочению и лоббированию своих интересов. Это связано с тем, что русские пока ещё составляют там этнический конгломерат, не имеющий осознанного прошлого и общинного интереса».

И действительно, хотя в пространственном отношении русские не распылены, так как в основном проживают в главных городах региона, они не представляют собой ни этнического, ни поселенческого, ни социально-профессионального единства, разбиты на мелкие изолированные группки и даже обособленные семьи, с трудом интегрирующиеся в социальную ткань той или иной центральноазиатской страны. Единственная республика, где им удалось создать хоть сколько-нибудь заметную организацию для защиты своих прав — это Казахстан. Имеется в виду Славянское движение «Лад», проявляющее время от времени активность в этом направлении¹³. Впрочем, не стоит обольщаться: когда в конце апреля 2007 года в республике состоялась вторая конференция русских ассоциаций, в ходе её выяснилось, что большинство русских связывает своё будущее не с Казахстаном, а с Россией — с Региональной программой переселения, принятой правительством РФ Постановлением № 637 от 20 октября 2006 года (вступила в действие 1 января 2007 года) с целью оказания помощи в переселении русским, живущим за границей¹⁴.

Внутренняя раздробленность, неспаянность отличали русскую общность ещё в советское время. Этим этносоциальным качествам русских сопутствовала довольно сильно выраженная тенденция к культурно-лингвистической самоизоляции от «туземного» окружения. Она

была настоящим тормозом развития русско-национального двуязычия, столь необходимого сегодня как неперемного условия для занятия любой значимой должности. В советское время в ЦА было распространено так называемое *одностороннее* (национально-русское) двуязычие с диглоссией, когда русский был «высоким», престижным языком, национальный же — «низким», непрестижным. В настоящее время престиж двух языков, как минимум, сравнялся, поэтому реальные жизненные перспективы может обеспечить только *двустороннее* двуязычие (национально-русское и русско-национальное) без диглоссии.

Последствия языковой политики

Все бывшие советские республики, включая, разумеется, центрально-азиатские, поспешили принять законы, направленные на первоочередное развитие титульных языков. При этом, хотя право преподавания на языках меньшинств формально было гарантировано, на практике финансирование обучения на русском и других нетитульных языках резко уменьшилось.

Далее, из-за частичной приватизации системы образования и недостаточных государственных вложений в отрасль для ЦА всё более характерен рост ожидаемых семейных расходов на обучение — при том, что уровень реальных доходов у громадного большинства населения, особенно в Таджикистане и Туркменистане, остаётся очень низким. В первую очередь это бьёт по ставшему «второсортным» русскому языку. Правда, российское правительство специально выделяет фонды, необходимые для закупки более современных учебников и для организации курсов повышения квалификации для местных преподавателей-русистов, немногочисленных и часто недостаточно подготовленных. Но, несмотря на прилагаемые Россией усилия, в некоторых частях регионах главной задачей стало не развитие образования на русском языке, а его сохранение в принципе.

Самое тяжёлое положение наблюдается в Туркменистане, где ещё проживают около 100 тыс. русских. Здесь родители часто вынуждены отправлять детей на пригородном поезде за десятки километров от места жительства, чтобы те могли обучаться на русском языке¹⁵. Даже в столице Ашхабаде осталась одна-единственная русская школа. В других школах есть русские классы, то есть классы с обучением на русском языке, но они еле выживают, а в сельской местности находятся на грани закрытия из-за отсутствия ресурсов. В русские классы стали при-

нимать только детей, чьи родители имеют российское гражданство или статус переселенца в Россию. Прочие дети официально не принимаются, но с помощью взяток запрет можно преодолеть. За устройство ребёнка в класс с русским языком обучения с родителей берут от 50 до 100 долларов США, по меркам Туркменистана — немалые деньги¹⁶. Высоко востребованное обучение на русском языке доступно удачливым русским, но в основном — привилегированным нерусским. Ибо «обучать своих детей на русском языке хотят и представители местной номенклатуры, которые всеми правдами и неправдами устраивают своих детей в русские классы»¹⁷.

К сожалению, пока не оправдываются ожидания, возлагавшиеся на «новый курс», провозглашённый новым президентом Туркменистана, Г. Бердымухаммедовым, который сразу после своего прихода к власти провёл реформу системы образования. Чтобы туркменские абитуриенты и студенты находились в равном положении со своими сверстниками из других стран СНГ, от введённого Туркменбаши девятилетнего среднего образования вернулись к десятилетнему. Были увеличены ассигнования на развитие системы образования, подняты зарплаты работающим в отрасли¹⁸. Но для языковых меньшинств ситуация практически не изменилась. Сохраняется тенденция обучать детей только на титульном языке, русский язык не восстановил утраченные позиции, для узбеков, казахов и других миноритарных этносов обучение на родном языке вообще остаётся неосуществимой мечтой.

В Казахстане в общеобразовательной школе преобладает казахский язык, на уровне высшего образования — русский. В 2006/07 академическом году 57,9 % школьников посещали казахские школы и 38,3 % — русские; с учётом того, что доля этнических русских во всём населении Казахстана составила в 2004 году чуть более четверти (табл. 2) и русские семьи, как правило, малодетные, получается, что в русских школах учились не только дети русских и русскоязычных меньшинств, но и дети казахов. Ещё более востребованным русский язык был в системе высшего образования: в 2006/07 году на нём обучались 54,9 % студентов (на казахском — 43,9 %)¹⁹. Но каждое последующее поколение в Казахстане растёт более казахоязычным, чем предыдущее, поэтому в перспективе обучение на русском языке может стать привилегией немногих, несмотря на то что пока «инструментальная мотивация» на выбор русского языка сильна и у русских, и у казахов, как показал опрос 2003 года в средних школах Алматы²⁰.

В Кыргызстане, по данным МАПРЯЛ, в 2006 году русскими оставались 7 % школ (при 9 % русских в населении), а в кыргызских школах на русский язык с 1 по 11 класс отводится всего 27 часов в

неделю²¹. Спрос на обучение на русском языке пока большой, но из-за отсутствия финансирования число русских классов ограничено; как следствие, их наполняемость — очень высокая: в некоторых регионах страны — до 45 учеников в классе. Преподавательская работа оплачивается плохо и как профессия не представляет интереса для молодых русистов, чем и объясняется большая нехватка квалифицированных преподавательских кадров.

В Узбекистане, несмотря на попытки вернуться к собственным историческим и культурным корням, развивать образование преимущественно на титульном языке, увеличивается число молодых людей, покидающих страну для поступления в университет на Западе или в России, либо в те немногие престижные вузы соседних стран, обучение в которых ведётся на русском или английском языке. В такие, например, как Американский Университет в Центральной Азии в Бишкеке или как созданные Министерством образования РФ на основе местных институтов Российско-Таджикской Славянской Университет (РТСУ) в Душанбе и Киргизско-Российский Славянский Университет (КРСУ) в Бишкеке. Данное явление считается первым шагом к окончательной миграции. В самом же Узбекистане, по мнению Абдуллаева, идёт процесс «деинтеллектуализации» — снижения качества и престижа образования²²:

«Хорошее образование перестало рассматриваться как гарантия или предпосылка получения престижной или хотя бы просто адекватно оплачиваемой работы <...> Если в 1990 в вузах обучалось около 15 % молодёжи Узбекистана, то в 1998 — только 5 % (в то время как в других постсоветских государствах этот процент возрос и составил, например, около 28 % в России и на Украине и 25 % в Кыргызстане)».

Потребность в получении высшего образования всё равно присутствует, особенно среди русских, но удовлетворяется она лишь частично, что и вызывает явление, определяемое как «утечка мозгов». Если же оценивать ситуацию в масштабах всей ЦА, то ясно, что спрос на высшее образование на русском языке решительно превышает предложение. Причина тоже очевидна: не только русские, но и интеллигентные слои титульного населения понимают, что русский язык в значительной мере гарантирует им и их детям хорошие возможности для профессионального продвижения и личностной самореализации в сфере высоко ценимых и высоко оплачиваемых городских занятий, а титульные языки не всегда позволяют овладеть необходимыми для этого знаниями и навыками. В особенности их ограничивает отсут-

ствие в них лексики для технических и научных дисциплин, по которым вся или почти вся доступная учебная и научная литература написана на русском языке. В странах региона ведётся сейчас работа по созданию новых терминологических баз на титульном языке²³, однако она не может быть сделана быстро, а для внедрения разработанной таким образом терминологии тоже потребуется время. Необходимы здесь и немалые вложения со стороны государства.

Упадок культуры речи

Вытеснение русского языка в ЦА отнюдь не сопровождается стандартизацией титульных языков, умножением их функций. Напротив, продолжается общая речевая «декультурализация» региона. Впрочем, упадок коснулся не только культуры речи, но и образования в широком смысле: доступ к нему для большей части среднеазиатского населения стал роскошью.

Посмотрим, например, что происходит в СМИ Узбекистана. Государственное телевидение вещает на 70 % на узбекском языке, международные каналы (ТВ4) — наполовину на русском, остальное время на других языках республики: таджикском, казахском, киргизском, уйгурском и др. Качество передач на узбекском языке довольно низкое, поэтому зрители чаще смотрят фильмы и развлекательные программы на русском. Ведущие подчас «разбавляют» литературный государственный язык его многочисленными диалектами; переключение с кода на код и их смешение часто заменяют двуязычие²⁴. То же можно заметить и в печатных СМИ на узбекском языке: их грамматика и стиль нестабильны, нередко чувствуется влияние русского языка в текстах, явно с него переведённых. Ситуация усугубляется тем, что «профессия журналиста перестала котироваться и мало оплачивается». По всем этим причинам языку газетных сообщений и происходящему падению культуры речи уделяется мало внимания. «Газеты перешли на канцелярский язык, говорят языком руководства»²⁵. Параллельно сузился доступ к российской прессе: относительно широким распространением в Узбекистане могут похвалиться только газета «Труд» и еженедельник «Аргументы и Факты»²⁶. Узбекский, как и другие титульные языки страдает и из-за того, что очень слабо представлен в Интернете — главной сети распространения информации. Там преобладают русский и английский языки, и, видимо, неслучайно узбекские, казахские и киргизские сайты перегружены англицизмами и американизмами.

С аналогичными проблемами сталкивается и русский язык. Несколько лет назад группа социолингвистов писала о широком распространении так называемых промежуточных языков, образующихся в результате интенсивного языкового контакта русского языка с национальными. Среди них наиболее распространёнными являются *суржик* на Украине и *трасянка* в Беларуси. Регионализация лингвистической нормы — неизбежное явление: в каждой республике СНГ существует местный вариант русского, отразивший в себе взаимодействие с национальными языками или их диалектами. «Это приводит к тому, что основным местом изучения русского языка становится, условно говоря, базар — с его грамматикой, лексикой и образными выражениями, ограниченными и стереотипными речевыми ресурсами, которые лишь в той или иной мере удовлетворяют самые примитивные коммуникативные потребности»²⁷. Упомяну также о всё более часто повторяющейся ситуации, при которой плохое знание русского языка оборачивается образованием настоящего культурного барьера между русскими и нерусскими, особенно на рабочем месте. Из этого вытекает требование к применению не только необходимых мер для распространения обучения русскому языку, но и для его стандартизации.

Предложение Дмитрия Медведева о введении в России «федерального стандарта русского языка»²⁸ вызвало в своё время бурную дискуссию в Государственной Думе. Данный стандарт служил бы для проверки языковой компетенции не только российских граждан, но в первую очередь тех, кто хочет въехать в Россию в поисках работы. Весной 2007 года в российском парламенте обсуждался проект закона о введении обязательного тестирования по русскому языку мигрантов, желающих получить российское гражданство²⁹. На самом деле, такая процедура была предусмотрена уже в Указе президента РФ № 1325 от 14 ноября 2002 года³⁰, но видимо, при его исполнении возникли, как всегда, трудности...

Проблема алфавита

Как уже было отмечено, процесс возрождения национальной идентичности обернулся в странах ЦА частичным отступлением от развития по линии модернизации социальной жизни и вестернизации культуры³¹. Воплощениями того и другого были в регионе образ жизни русских и русский язык. Поворот в сторону ретрадиционализации означал разрыв с ними; но при этом далеко не всегда сторонники поворота осознавали, что путь, на который они стараются увлечь свои народы, —

такой же непростой, нелинейный и противоречивый, как и тот, по которому эти народы двигались под водительством Москвы. Это наглядно показала реформа алфавитов, проведенная в Узбекистане и Туркменистане в 1993 году и в Азербайджане в 2001.

Чтобы мотивировать в этих странах возвращение к латинице, органам языковой политики надо было представить оправдание намечаемого перехода. Оно сводилось в основном к указанию на интернациональный характер латинского алфавита³², и сегодня кажется вполне необоснованным. По мнению некоторых русских социолингвистов³³, лингвистические аргументы в пользу перехода на латиницу были очень слабыми. Более правдоподобными выглядят политические мотивы — расчёты на унификацию в дальнейшем письменности всех тюркоязычных стран для воссоздания их якобы существовавшего культурно-исторического единства. Кстати, уже в 1920-е годы выдающийся лингвист Е. Поливанов подчёркивал политическое значение «графических революций»³⁴. Официальное обоснование перехода могло быть приемлемым в 1929 году, на первом этапе латинизации алфавита³⁵, когда и Турция перестала использовать арабский алфавит. Но в то время было одно очень существенное отличие от современного положения, делавшее переход к латинской графике и в Турции, и в постсоветских тюркских республиках практически безболезненным, — общая ситуация неграмотности. Новый тур латинизации начался в принципиально иных условиях всеобщей грамотности населения, вдобавок страны, решившиеся на переход, находились в состоянии глубокого социально-экономического кризиса. По этим причинам применение такой формы *языкового строительства* обошлось очень дорого, особенно в образовательном секторе, в СМИ и в области наружной рекламы и топонимики. В результате, несмотря на первоначальный энтузиазм, изменения совершались с трудом, темпы реформы замедлились. Особенно ярко это проявилось в Узбекистане, где начатая в 1993 году реформа должна была завершиться до 2000 года, но из-за возникших трудностей срок её окончания продлили сначала до 2005, а затем до 2010 года³⁶. Кроме того, возникли ещё дополнительные сложности после введения поправок, которые установили необходимость выполнения транслитерации на английской основе (то есть шипящие согласные надо писать без диакритических знаков). Теперь специалисты жалуются, что возникла форменная неразбериха, люди путаются между разными существующими вариантами латиницы. (Нечто подобное происходит в итальянской печати с транскрипцией русских имён.)

В случае Узбекистана можно предположить, что стремление освободиться от русской графики утихло после известных андижанских

событий 2005 года, приведших к сближению Узбекистана с Россией. Напротив, узбекско-турецкие отношения сегодня весьма прохладные, о чём говорит отсутствие Каримова на саммите глав тюркоязычных государств, проходившем в ноябре 2006 года в Анталье. В Казахстане разговоры о переходе на латиницу периодически ведутся, в том числе на самом высоком уровне, но не оборачиваются пока решениями. В Кыргызстане же и Таджикистане позиции кириллицы остаются стабильными³⁷.

Заключение

После распада Советского Союза русские, оказавшиеся в новых независимых государствах, стали с каждым годом всё сильнее ощущать необходимость защиты своих позиций как миноритарной национальности, против которой направлена неблагоприятная этнократическая политика. Меры российского правительства по поддержке прав соотечественников, равно как и его усилия по привлечению внимания международной общественности к «русскому вопросу», не оказывают решающего воздействия на языковую политику и языковое проектирование в СНГ. Поэтому местным русским всё чаще приходится адаптироваться к новой культурной действительности, в том числе изучать титульные языки, за счёт овладения которыми они могли бы достичь более высокого положения в обществе.

Непосредственно в ЦА значительный дискомфорт, испытываемый русским населением в сферах культуры и занятости, вызвал его массовый миграционный отток в Россию. В свою очередь, последовавшее в результате заметное падение численности русского населения при одновременном росте численности титульных народов ослабляет позиции русских, когда они пытаются объединиться для достижения более благоприятных условий жизни и работы. Что касается положения в ЦА русского языка, то оно представляется разнообразным: относительно прочным в Казахстане и Кыргызстане, довольно безрадостным в Узбекистане, тревожным в Таджикистане и Туркменистане. В целом же, при всех различиях между странами и при всех колебаниях, вызываемых подвижками в геополитическом балансе региона, неоспоримы, во-первых, стабильный престиж русского языка, во-вторых, его роль *lingua franca* в межнациональном общении, в-третьих, его большое функциональное значение — как рабочего языка, открывающего международные перспективы всякому, кто хорошо им владеет.

Вместе с тем государственная языковая политика в республиках ЦА привела к юридической деквалификации статуса русского языка и к урезке ресурсов, необходимых для его стабильного воспроизводства в качестве языка, используемого в образовательной системе. Следствием стало сокращение его присутствия и функций на всех уровнях среднего и высшего образования. И это — несмотря на его большой воспитательный потенциал и более высокий уровень образования при обучении на нём. Кстати, достоинства русского как языка образования вполне осознаются титульным населением ЦА; не случайно же многие его представители, поддерживая необходимость восстановления общего потенциала своих родных языков, как язык образования часто выбирают русский. Тем не менее, в худшем случае вытеснение русского языка в странах ЦА продолжается, в лучшем, при всех реверансах в его сторону, правительства этих стран мало что делают практически для поддержания качества методики преподавания на русском языке и для повышения квалификации преподавательских кадров. В этой области если и происходят в последние годы какие-то положительные сдвиги, то только благодаря существенной финансовой поддержке Российской Федерации.

Сложная геополитическая и культурная ситуация в регионе не позволяет делать точные прогнозы о будущем русского языка. Оптимизм внушает то обстоятельство, что жизнеспособность его остаётся достаточно высокой, несмотря на сужение его социально-демографической базы и неблагоприятную для него языковую политику. В конце концов, как метко заметил Ю. Подпоренко, русский «бесправен, но востребован»³⁸. Остаётся надеяться, что со временем языковая политика будет основываться на терпимости и реальной заботе о состоянии межнациональных отношений. А также на укреплении условий для развития двустороннего двуязычия — как ответа на нужды открытого полиэтничного общества, имеющего общей целью повышение своего уровня жизни и культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Более подробно об этом см.: Русский язык за рубежом, 2007. № 3.

² В редакции 2003 года доступен по адресу: <http://learning-russian.gramota.ru/book/mid/rulang2003.html>. Последняя редакция доклада (вып. 3) датируется 2005 годом.

³ См.: Арефьев А. Падение статуса русского языка на постсоветском пространстве // Demoscope Weekly, 2006, 20 августа. № 251. Доступно по адресу: <http://demoscope.ru/weekly/2006/0251/tema01.php>. Последнее посещение 1 ноября 2007 года.

⁴ Список первых законов о языке, принятых в разных республиках, можно найти в работе: *Губогло М.Н.* Языки этнической мобилизации. М., Языки русской культуры, 1998. С. 194.

⁵ *Мечковская Н.Б.* Постсоветский русский язык: новые черты в социолингвистическом статусе // *Russian Linguistics*, 2005. № 1. С. 54. Разные этапы киргизской языковой политики, которые привели к таким большим переменам в отношениях с русскими жителями страны, хорошо описаны в: *Шутилов А.В.* Русский язык в геополитике Киргизской Республики // *Русский язык за рубежом*, 2007. № 1. С. 108—115.

⁶ Извлечения из текста Закона Республики Казахстан «О языках в Республике Казахстан» можно найти на: <http://www.medialaw.ru/exussrlaw/1/kz/lang.htm>.

⁷ Данные о численности населения разных стран СНГ и Балтии на начало 2007 года можно найти по адресу: <http://demoscope.ru/weekly/2007/0283/barom01.php>.

⁸ См.: *Абдуллаев Е.* Русские в Узбекистане 2000-х: идентичность в условиях модернизации / *Русский мир в Центральной Азии*. Сб. статей и материалов под ред. А.А. Князева. Вып. 1. Бишкек, 2007. С. 15.

⁹ Там же. С. 18.

¹⁰ Хотя в задачи настоящей работы не входит углублённое исследование политических и идеологических вопросов, роль ислама в возрождении национальной идентичности в центральноазиатских республиках кажется значительной. Р. Хэнкс говорит о *реисламизации* региона, в особенности Узбекистана и Таджикистана. На самом деле, в советское время исламская культура оставалась тоже значимой, но латентной. В Узбекистане Каримов пытался подавить политически активный ислам, поддерживая при этом как *национальную* его местную, более толерантную, версию как интегральный элемент возрождаемой богатой древней культуры. В Таджикистане, первой республике ЦА, где обозначилась тенденция к реисламизации, действуют два активных исламских политических движения: Партия исламского возрождения, принявшая участие в парламентских выборах 2005 года и радикальное движение Хизб ут-Тахрир, в принципе отрицающее светскую государственность. См. в этой связи: *Hanks R.R.* Dynamics of Islam, identity and institutional rule in Uzbekistan: Constructing a paradigm for conflict resolution / *Communist and Post-Communist Studies*, 2007. Vol. 40. P. 209—221; *Karagiannis E.* The challenge of radical Islam in Tagikistan: Hizb ut-Tahrir al-Islami / *Nationalities Papers*, 2006. Vol. 34, No. 1. P. 1—20.

¹¹ *Панфилова В.* Скрытая дискриминация // *Независимая газета*, 2006, 25 декабря.

¹² Цит. по: *Абдуллаев Е.* Указ. соч. С. 12.

¹³ О движении «Лад» см.: *Панфилова В.* Указ. соч.; *Корнеев Э.* Русские Казахстана объединяются // *АПН Казахстан*, 2006, 15 августа. Доступно по адресу: <http://www.apn.kz/opinions/article5314.htm>. Последнее посещение 1 ноября 2007 года.

¹⁴ Постановление гласит: «Субсидии бюджетам субъектов РФ на указанные цели предоставляются Министерством финансов РФ согласно сводной бюджетной росписи федерального бюджета на соответствующий финансовый год в пределах лимитов бюджетных обязательств, предусмотренных в установленном порядке МФ РФ в пределах общего объёма средств, выделяемых на реализацию Государственной программы на этот год <...> и с учётом соответствующей категории территории вселения субъекта Российской Федерации». См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 20 октября 2006 г. № 622 об утверждении Указа Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 г. № 637 «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих

за рубежом». Постоянный адрес данного документа: <http://www.rg.ru/2006/10/26/pereselenie-podderzka-dok.html>.

¹⁵ *Аман Е.* Я русский бы выучил, только... где? // *Хроника Туркменистана*, 2007, 11 июля.

¹⁶ *Аман Е.* Туркменское образование и нацмены // *Хроника Туркменистана*, 2007, 4 сентября.

¹⁷ Там же.

¹⁸ См.: Первые шаги реформы туркменского образования. Данный материал доступен в Интернете по адресу: http://www.turkmenistaninfo.ru/?page_id=6&type=article&elem_id=page_6/magazine_53/450&lang_id=ru.

¹⁹ *Алтыбекова О.В.* Русский язык в сфере высшего образования в республике Казахстан // *Русский мир в Центральной Азии*. С. 72, таблица 1.

²⁰ Сулейменова отличает *инструментальную мотивацию* на выбор русского («язык-цель изучается по функциональным причинам, поскольку открывает новые образовательные и экономические возможности») от *интегративной мотивации* («язык-цель изучается из-за заинтересованности в людях и культуре») и от *результативной мотивации* («язык-цель изучается, потому что сами мотивы изучения языка являются результатом успеха в его усвоении»). Первый тип дал самые высокие показатели мотивации: на изучение казахского языка — у 32,5 % опрошенных, на изучение русского — у 35,4. См.: *Сулейменова Е.Д.* Языковая идентичность и языковые установки // *Филология, Русский язык, Образование*. Сб. статей, посвященных проф. Л.А. Вербицкой. СПб., Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006. С. 286—294.

²¹ См.: *Дербишева З.К.* Русский язык в Кыргызстане // *Вестник Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ)*, 2006. № 53. С. 19.

²² *Абдуллаев Е.* Русские в Узбекистане... С. 24. О проблеме преподавания русского языка в Узбекистане см. также: *Башатова Н.А.* Проблемы функционирования и преподавания в Узбекистане в современных условиях // *Вестник МАПРЯЛ*, 2006. № 50. Доступно на: www.maryal.org/vestnik/50. Последнее посещение 1 ноября 2007 года; *она же.* Преподавание практического курса русского языка в новых условиях республики Узбекистан // *Русский язык за рубежом*, 2002. № 3. С. 85—86.

²³ См.: *Дербишева З.К.* Указ. соч. С. 20.

²⁴ См.: *Абдуллаева Ч., Икромов Т.* СМИ Узбекистана развиваются по законам страны // *Media Insight Central Asia*, 2002, 27 August.

²⁵ Там же. С. 2. См. также: *Хамагаев А.* Центральная Азия: СМИ и языковая политика // Там же.

²⁶ По данным, приводимым в докладе «Русский язык в мире 2005». С. 142.

²⁷ *Белоусов В.Н., Григорян Е.А., Познякова Т.Ю.* Русский язык в межнациональном общении. Проблемы исследования и функционирования. М., 2001. С. 49.

²⁸ См.: Медведев предлагает утвердить стандарт знания русского языка аналогичный TOEFL // *Избранное*, 23.10.2007. Доступно на: <http://www.izbrannoe.ru/17565.html>. Последнее посещение 1 ноября 2007 года.

²⁹ См.: *Павлихова О.* «Справедливая Россия» готовит языковой экзамен для гастарбайтеров // *Газета*, 2007, 8 мая, № 81. Доступно на: <http://www.gzt.ru/education/2007/05/07/220012.html>. Последнее посещение 1 ноября 2007 года.

³⁰ См. Указ Президента Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 1325 пункт 10, гл. 2. Приём в гражданство Российской Федерации в общем порядке. Доступно на: <http://www.rg.ru/oficial/doc/ykazi/1325.shtm>.

³¹ «Понятие модернизации используется для обозначения процесса социальных изменений, которые исторически впервые произошли в Западной Европе и впоследствии приобрели глобальный характер. Примерами таких изменений являются: ослабление клановой организации общества, индустриализация, развитие системы образования и урбанизации» (*Абдуллаев Е.* Указ. соч. С. 10).

³² В законе «О введении узбекского алфавита, основанного на латинской графике», принятом в Узбекистане в 1993 году, так объясняется решение правительства: «Настоящий Закон <...> направлен на создание благоприятных условий, ускоряющих всесторонний прогресс республики и вхождение её в систему мировой коммуникации». Цит. по: *Шарифов О.* Латинизация алфавита. Узбекский опыт. 28.04.2007 // <http://www.ferghana.ru/article.php?id=5092>. Последнее посещение 1 ноября 2007 года.

³³ *Баскаков А.Н., Насырова О.Д., Давлатназаров М.* Языковая ситуация и функционирование языков в регионе Средней Азии и Казахстана. М., 1995. С. 111.

³⁴ Цит. по: *Выдрин А.* Языковая политика в Узбекистане // Звезда Востока, 1994. С. 3. Доступно на: <http://www.ferghana.ru/zvezda/vydrin.html>. Последнее посещение 1 ноября 2007 года.

³⁵ К концу 1920-х годов под влиянием послереволюционного энтузиазма и жажды интернационализма Луначарский и другие члены Народного комиссариата просвещения РСФСР пришли к выводу о целесообразности перевода русского языка на латинскую графику. См.: *Simonato E.* Alfabeto russo: un progetto fallito di latinizzazione // Samizdat, 2005. Vol. III, No. 1. P. 91—96.

³⁶ *Шарифов О.* Указ. соч.

³⁷ О проблеме алфавита в Кыргызстане см.: *Тукембаев Т., Сыдыков А.* Нужно ли Киргизии переходить на латиницу? 09.10.2007. Доступно на: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1191916680>. Последнее посещение 1 ноября 2007 года. Что касается Казахстана и Таджикистана, то см.: Обзор Центральной Азии. День славянской письменности: хорошо ли Кириллу и Мефодию на постсоветских просторах? 24.05.2007. Постоянный адрес статьи: <http://www.regnum.ru/news/832869.html>. Последнее посещение 1 ноября 2007 года.

³⁸ См.: *Подпоренко Ю.* Бесправен, но востребован. Русский язык в Узбекистане — к проблемам сохранения и эволюции // Русский язык за рубежом, 2002. № 4. С. 76—82.

Дополнительные источники из интернета:

Asia Source: <http://www.asiasource.org/experts/>.

Eurasianet: <http://www.eurasianet.org>.

IIAS (International Institute for Asian Studies): <http://www.iias.nl/>.

Федеральная целевая программа «Русский язык»: http://www.ed.gov.ru/ntp/fr/rus_lang/about/http://gramota.ru/book/rulang/page3_2/html.

Наимова В.Р. Реформа системы образования в Таджикистане, в странах СНГ и Балтии / SACN (Центрально-Азиатская Сеть Сотрудничества в области Образования), 5.12.2006. Адрес постоянного размещения статьи: http://www.educasia.net/educ_ca/reports/reform_tdj/reforma/?REID=84b583d9dd49ee0541dc3c3fdb26d9af. Последнее посещение 1 ноября 2007 года.